

МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В МУЗЕЕ

УДК 069.01:94

В. В. Астафьев, Л. А. Сыченкова

О ПРЕДМЕТЕ «ИСТОРИЯ МУЗЕОЛОГИИ»: постановка проблемы

Сюжетом данной статьи является проблема определения предметных границ и содержания курса «История музеологии» и объяснение того, почему до сих пор не написан учебник по этому курсу. Можно ли выявить комплекс субъективных и объективных препятствий, мешающих реализации этого проекта, и какие существуют, в нашем понимании, пути их преодоления? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо понять, во-первых, насколько своевременна постановка задачи разработки программы дисциплины «История музеологии» и подготовки учебного курса, во-вторых, какие последствия для российской музеологии будет иметь нерешенность этой проблемы.

Комплексное осмысление обозначенной проблемы предполагает не только анализ и критику предшествующего опыта, но и представление конструктивной программы преодоления досадного, на наш взгляд, упущения отечественной музеологии. Прояснить ситуацию и положение вещей невозможно без краткого ретроспективного обзора процесса официального признания музеологии в нашей стране. Более полного и объемного отображения этого процесса можно добиться в сопоставлении темпов развития музеологии и культурологии, тем более что это родственные дисциплины, существующие в рамках одного академического и образовательного пространства. Дополнительным основанием для такого сопоставления может служить то обстоятельство, что профессиональное образование по этим направлениям в российском образовательном пространстве было начато одновременно – в 1991 г. Последние двадцать лет музеология и культурология в образовательном пространстве России развивались параллельно, обогащая и подпитывая друг друга. Это сообщество союзников имеет единое коммуникативное пространство: научные журналы, конференции, образовательные центры и т.д. Неслучайно музеология и культурология объединены под крышей одного академического института¹, у них близкие образовательные проблемы и общее учебно-методическое объединение².

Даже самый поверхностный ретроспективный взгляд на историю науки в советское и постсоветское время позволяет обнаружить много аналогий в развитии культурологии и музеологии. Толкование предмета музеологии во многом напоминает историю культурологии, которая проделала такой же путь отделения от других гуманитарных наук, став системой наук о культуре. Аналогичные процессы обнаруживаются и в последо-

¹ Например, в структуре Российского института культурологии (Москва) органично функционируют отделения музееведческой направленности.

² УМО по направлениям подготовки «Культурология» и «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

вательности изменения названия этих наук в российском гуманитарном пространстве. В 1920 – 1930-е гг. специалисты по проблемам культуры, искусства, музейного дела называли себя «культуроведами»³, как, впрочем, и искусствоведами, музеоведами⁴. Так, известно, что, например, И. И. Иоффе и другие называли себя «культуроведами», а науку «культуроведением»⁵. Этимология этих названий, также как и причина предпочтения понятия «ведение» греческому «логия» или «знание» в русской лексике являются предметом исследования лингвистов⁶. В советский период название «культуроведение» закрепилось⁷. Некоторые ученые старой формации, мировоззрение которых сложилось в эпоху тоталитаризма, видели оттенки враждебной «буржуазной» методологии в названии «культуролог». Консерватизм и скептицизм выдающихся ученых советской эпохи, реально занимавшихся изучением проблем культуры, таких, как С. С. Аверинцев, А. Я. Гуревич, Е. М. Мелетинский, А. В. Михайлов и др., по отношению к названию предмета «культурология», объясняется, скорее всего, субъективным желанием сохранить свой прежний научный статус в рамках классических гуманитарных знаний.

Многие представители старшего поколения советской науки, которых мы сегодня причисляем к выдающимся культурологам, и которые по-настоящему, последовательно

³ Культурология – название не российское, в отечественной науке долгое время употреблялись другие понятия – «теория культуры», «история культуры», «социология культуры». Дискуссии по этому вопросу продолжаются. Каждый исследователь пытается самостоятельно определить различие между культурологией и культуроведением. См.: *Круглова Л. К.* Философия культуры, теория культуры, культурология: место и роль в системе культуроведения, соотношение с философией и специальными науками // *Вопросы культурологии.* 2009. № 1. С. 4-9.

⁴ Музеография – описания музеев, являющиеся важнейшими источниками сведений по их истории и деятельности. Музеография предшествовала музееведению, оформившемуся в XX в. в самостоятельную научную дисциплину. С конца XX в. музеография входит в структуру современного музееведения, представляя его описательное направление. В 1977 г. в рамках Международного совета музеев (ИКОМ) был создан Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ), осуществляющий координацию теоретических исследований. На протяжении 1980-х гг. основной задачей была инвентаризация и первичная унификация понятийного аппарата музееведения, призванные обеспечить взаимопонимание между исследователями разных стран. См.: *Российская музейная энциклопедия.* <http://www.museum.ru/rme/museography.asp> (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

⁵ См.: *Иоффе И. И.* Культура и стиль. Л., 1927. С. 3.

⁶ Лингвист Н. С. Арапова так объясняет этимологию российского названия ряда научных дисциплин: Нем. Kunde имеет значение 'известие, весть'; kuenden – 'извещать, ставить в известность'; kundig – 'знающий, ведающий'; Kundschaft – 'сведения'. Это словообразовательное гнездо соотносимо с рус. 'ведать, знать' и производными от него, поэтому передача нем. -kunde русским -ведение вполне оправдано. Элементы -ведение, -знание, -логия, -словие близки по значению и служат для образования слов, означающих ту или иную отрасль науки. При их помощи могут образовываться собственно русские слова (мерзотоведение, лермонтоведение). Словосложение известно и русскому, и немецкому языку (поэтому и возможно словообразовательное калькирование). См.: *Арапова Н. С.* Кальки в русском языке постпетровского периода. Введение III <http://germanism.livejournal.com/4939.html> (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.). В новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремова приведены следующие значения слова «ведать» 1) а) Знать, иметь сведения. б) Представлять, сознавать, отдавать отчет (обычно с отрицанием). в) Иметь представление, понятие о ком-л., чем-л., быть осведомленным в чем-л. (обычно с отрицанием). 2) перех. Испытывать, чувствовать, переживать. 3) неперех. Управлять, заведовать, распоряжаться чем-л. См.: *Ефремов Т. Ф.* Новый словарь русского языка // http://slovonline.ru/slovar_efremova/b-2/id-7961/vedat.html (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

⁷ Этот принцип словообразования сохранился в русской лексике и поныне. В некоторых случаях узких специалистов по каким-то проблемам называют «ведями» – «востоковеды», «византиноведы», «бахтиноведы», «бицилливеды» и т.д.

разрабатывали проблемы истории и теории культуры на протяжении всей жизни, так и не приняли названия «культурология»⁸. «Хотя термин «культурология», означающий в переводе на русский язык науку о культуре, впервые вошел в научный обиход в XX в. именно на Западе (для обозначения новой области научных исследований, отличной от естественных и социальных наук), реально ему соответствует не какая-то одна наука, а *совокупность разных наук*, включая *культурную антропологию, возникшую на базе этнологии, историю культуры, социологию культуры* и др. Какую из них следует считать культурологией?» – иронично замечает В. М. Межуев⁹. Более того, представители старшего поколения историков и теоретиков культуры обижались, когда их называли культурологами. Крупные ученые, такие, как С. С. Аверинцев, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Л. М. Баткин, не принимали названия «культуролог». Они настаивали на том, чтобы их продолжали считать «медиевистами», «византиноведцами», «литературоведами», «искусствоведами», «антиковедом» и т.д. Так, например, В. М. Межуев писал: «Лично себя я всегда считал не культурологом, а философом культуры, что далеко не одно и то же»¹⁰. Терпимо относился к названию, импортированному в российскую науку¹¹, из всей когорты старшего поколения только историк римской античности Г. С. Кнабе¹².

Хотя в действительности, именно это поколение советских исследователей культуры своими фундаментальными исследованиями значительно расширило территорию традиционных наук, подготовило реальную почву для развития культурологии в российском гуманитарном пространстве¹³. Ближе к концу XX в., когда политическая и социо-культурная ситуация изменилась в международном масштабе: «очистились перспективы, выровнялись шероховатости, когда дни стали временем, и обобщение могло явиться само собой,

⁸ Разногласия 1990-х гг. по поводу самоназвания науки о культуре зафиксировала западный историк, доктор философии, профессор Высшей школы социальных исследований (Париж) Ютта Шеррер (р. 1938) в своей неоднозначной статье об оценке состояния культурологии в России: «Наряду с «официальной» культурологией в России существует ряд научных учреждений (философских и исторических), где ведется вполне серьезная работа в области теории и истории культуры. Она опирается либо на выработанный Ю. М. Лотманом и «московско-тартуской» семиотикой подход, либо на методику исторических исследований (А. Я. Гуревич, Ю. Бессмертный). Примечательно, что эти ученые в последнее время избегают самого термина «культурология», чтобы их не смешивали с тем движением, которое взяло себе это наименование». См.: Шеррер Ю. Что стоит за новой российской культурологией // Русский журнал 29.01.1998 http://old.mss.ru/ionmal/peresmoty98-01_-29/sherer.htm (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

⁹ Межуев В. М. Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания. См.: <http://www.pandia.ru/text/77/151/7564.php> (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Известно, что термин «культурология» был введен в научный оборот Л. Уайтом в 1939 г. См.: Культурология. Энциклопедия. В 2-х тт. Главный редактор и автор проекта С. Я. Левит. М., 2007. Т. 1. С. 6.

¹² Профессор Георгий Степанович Кнабе (1920–2011), приняв название предмета, в 1990–2000-е гг. даже написал несколько специальных культурологических исследований и учебных пособий. См.: Кнабе Г. С.: 1) Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима: Учебное пособие. М., 1993; 2) Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994; 3) Основы общей теории культуры // Пустовит А. В. История европейской культуры. Учебное пособие. Киев, 2004. С. 31-45; Кнабе Г. С., Кузнецова Т. Ф., Кондаков И. В. Культурология. История мировой культуры. М., 2003.

¹³ Маркарян С. Проблемы целостной характеристики предмета истории культуры. Предмет и метод истории культуры: Круглый стол «Истории СССР» // История СССР. 1979. № 6. С. 105-112.

механическое и бесстрастное»¹⁴, российские гуманитарии с досадой обнаружили отставание от мировой науки почти по всем позициям.

На наш взгляд, «превращение» *культуроведения* в *культурологию* – это не простая смена названия, а начало нового этапа развития науки о культуре. Перемена названия ознаменовала радикальное реформирование представлений о границах проблемного поля интегративного знания о культуре в нашей стране. С этого момента в систему наук о культуре – культурологию вошли не только традиционные философия и теория культуры, история культуры, культурная антропология, социология культуры, но еще и история материальной культуры, культура повседневности, прикладная часть знания – проблемы управления культурой (менеджмент), медиакультура, проблемы межкультурной коммуникации и т.д. Хронологически такое «перевоплощение» произошло раньше, чем состоялась аналогичная трансформация *музееведения* в *музеологию* в России. Качественно новый этап развития знания о феномене культуры проходил безболезненно, но стал логическим завершением имманентного процесса развития науки, подготовленного десятками лет «вызревания», синтеза междисциплинарного логоса в рамках других гуманитарных наук. К началу 1990-х гг. уровень историко-культурных, культурно-философских, культурно-антропологических исследований в нашей стране уже получил международное признание, были проведены реальные культурологические исследования, решавшие крупные и фундаментальные проблемы функционирования культуры в прошлом и настоящем. Ученые, выходявшие на интегрированное осмысление культурных феноменов, постепенно начинали признавать внутреннюю эволюцию своей методологии в сторону системно-культурного метода. Поскольку эти процессы происходили относительно недавно, документальных источников по персональной истории интуитивного дрейфа исследователей в направлении расширения проблемного поля, которое получило название «культурология», пока еще не обнародовано¹⁵. Скорее всего, мемуаристка по истории становления культурологии в нашей стране появится нескоро. Условием огласки таких источников станет завершенность процессов официального признания культурологии, когда авторов исповедальных биографий не будут так сильно сдерживать внутренние цензоры, но для этого нужно время.

Тем большую ценность для науковедов приобретают редкие устные свидетельства и зафиксированные признания ученых. Мы считаем достаточно показательным в этом отношении признание М. С. Кагана в начале 1970-х гг.: «А знаете, друзья, я ведь выхожу на культуру». Так он обозначил свою эволюцию в сторону культурологии в беседе с московскими профессорами¹⁶, известными в те времена специалистами по культуре. «Выхожу

¹⁴ *Веселовский А. Н.* Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения // Он же. Избранные статьи. Л., 1939. С. 402.

¹⁵ Редким исключением в нашей науке можно считать биографию историка и исследователя культурно-исторических проблем западноевропейского средневековья Арона Гуревича. См.: *Гуревич А. Я.* История историка. М., 2004.

¹⁶ Борис Моисеевич Бернштейн в своем письме сделал уточнения относительно фамилий профессоров: «Два культуролога, о которых речь, были **А. Арнольдов** и **Э. Баллер**. Будучи в то время, так сказать, профессиональными специалистами по культуре, они отнеслись к словам Моисея Самойловича, более известного тогда в качестве эстетика, без какого бы то ни было интереса. Во всяком случае, слова М. С. были оставлены без внимания, никаких дополнительных вопросов и никакой дискуссии не последовало, заявление М. С. повисло в воздухе. Такой поворот событий становится лучше объясним, если установить, когда этот разговор состоялся. Этого я точно не помнил, пришлось заняться разысканиями, которые подтвердили мои предположения. Событие имело место

на культуру» – подобно тому, как боевой летчик говорит в микрофон: «выхожу на цель». Столичные культурологи, в полном сознании своих прав на домен, не обратили внимания на слова ленинградского эстетика. И зря. То, что он напишет, будет куда интересней их собственных сочинений. В 1996 г. увидит свет фундаментальная «Философия культуры», а затем – двухтомное «Введение в историю мировой культуры»¹⁷.

Попытки представить, что «культурология» была введена в нашей стране директивным методом, когда в вузах приказом министерства в августе 1991 г. комплекс идеологических дисциплин был заменен на перечень гуманитарных, выглядят неубедительно¹⁸. Наука «культурология» и собственно культурологические исследования появились в России гораздо раньше 1990-х гг.¹⁹ Историко-культурное направление в России было представлено блестящим созвездием имен старшего поколения культурологов XIX – начала XX вв.: Н. Я. Данилевским, Л. П. Карсавиным, Ф. Ф. Зелинским, М. С. Корелиным и др. В начале XX в. сформировалась медиевистическая школа И. М. Гревса, часть учеников которого (Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов, О. А. Добиаш-Рождественская, А. И. Хометовская) занималась преимущественно изучением проблем культуры. Эта группа заложила основы медиевистической культурологии в России. Можно выделить школу исторической поэтики А. Н. Веселовского, последователями которого были В. Ф. Шишмарев, Н. И. Стороженов в Санкт-Петербурге. Московскую школу медиевистики В. И. Герье представляли его ученики – М. С. Корелин и А. К. Джигелегов. В 1920 – 1930-е гг. проблемы культуры разрабатывали их не менее яркие преемники: социолог культуры П. А. Сорокин, философы и теоретики культуры А. А. Богданов и А. Ф. Лосев, искусствоведы и историки культуры И. И. Иоффе и Ф. И. Шмит, медиевисты-культурологи М. М. Бахтин, Г. П. Федотов, П. М. Бицилли. Несмотря на то, что в советское время культурологическое знание находилось на обочине общественных наук, поскольку предпочтительными проблемами были вопросы социально-политической жизни, классовой борьбы, международного рабочего движения и т.п., преемственность в изучении культуры не была прервана. Живучесть культурологической проблематики и неугасающий интерес разных поколений исследователей – один из феноменов российской науки, который, на наш взгляд, будет еще долго оставаться предметом осмысления историков науки.

Долгое время культурология в нашей стране не имела официального признания, хотя в рамках этого направления последовательно работали в 1960 и 1970-е гг. историки

не позднее 1974 года. См.: Бернштейн Б. М. Письмо от 9 мая 2013 г. Личный архив Сыченковой Л. А. Кстати, Арнольд Исаевич Арнольд (1915 – 2012) возглавил одну из первых в нашей стране кафедр истории и теории культуры в Московском государственном институте культуры (1962 – 1982 гг.). С 1965 по 1988 гг. он был заведующим сектором Философских проблем культуры Института философии АН СССР. Основные труды: *Арнольд А. И.*: 1) Культура и современность. М., 1973; 2) Образ жизни и культура. М., 1976; 3) *Arnold'ov A. I.* People and culture. М., 1979; 4) Теория культуры: историзм и вопросы методологии. М., 1987; 5) Человек и мир культуры. М., 1992; 6) Введение в культурологию. Описание. М., 1993. Элеазар Александрович Баллер (1918 – 1987) с 1963 по 1975 гг. работал в Институте философии АН СССР. С 1968 г. до конца жизни – в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Основные труды: *Баллер Э. А.*: 1) Социализм и культурное наследие. М., 1968; 2) Преемственность в развитии культуры. М., 1969; 3) Социализм и культура. М., 1975; 4) Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987.

¹⁷ *Бернштейн Б. М.* Старый колодец: Книга воспоминаний. СПб., 2008. С. 9.

¹⁸ *Шеррер Ю.* Что стоит за новой российской культурологией.

¹⁹ В настоящее время этапы развития науки о культуре в нашей стране уже описаны и осмыслены в науковедческих исследованиях по истории культурологии.

Н. И. Конрад, А. Я. Гуревич, Е. М. Штаерман, филологи Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, Б. А. Успенский. Целая группа философов, лидерами которой были Э. С. Маркарян, Н. С. Злобин, В. М. Межуев, В. С. Семенов, разрабатывала теоретические вопросы культуры. Эти группы исследователей занимались разной проблематикой: одни создавали культурные образы отдельных исторических эпох, другие занимались типологическим осмыслением и разработкой категориального аппарата науки. Общими усилиями советских корифеев культурологического знания была подготовлена теоретическая платформа, обеспечившая успешное внедрение культурологии в образовательный процесс. Усилиями нескольких поколений российских культурологов был разработан и понятийный аппарат нового научного направления, были определены основные методологические принципы проведения культурологических исследований.

А главное – в российской культурологии уже во второй половине XX в. сложились **научные школы**: московско-тартуская семиотическая школа – Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, петербургская школа М. С. Кагана, медиевистическая школа культурных исследований, в лице медиевистов А. Я. Гуревича, В. П. Даркевича, Ю. Л. Бессмертного²⁰, Б. С. Кагановича и др., продолжившая традиции школы И. М. Гревса и В. М. Герье, можно назвать и северокавказскую культурологическую школу. Тогда как, **музеологических научных школ** к этому времени в России не сложилось. Факт, признанный большинством российских специалистов. И в этом нам видится главная причина отставания российской музеологии от культурологии²¹.

С 1990-х гг. начался новый этап в развитии культурологии в нашей стране, его отражением стало создание свода культурологического знания усилиями российских специалистов – «Культурология. Энциклопедия» первого (1998 г.) и второго (2007 г.) издания²². Преимущество данной энциклопедии состоит в том, что там представлен почти весь кластер понятийно-категориального аппарата культурологии²³. Специалисты признают, что «после выхода в 1998 г. энциклопедии «Культурология. XX век» в российских вузах заметно повысился уровень преподавания культурологии»²⁴.

Таковой нам представляется в общих чертах картина развития культурологии в нашей стране. Но если при рассмотрении переднего плана картины перейти от крупных силуэтов к деталям, то можно различить более тонкие нюансы, запечатленные в индивидуальных образах ученых. При внимательном анализе можно увидеть, что могучее русло культурологического знания в России питали и незаметные на первый взгляд интеллектуальные источники. Речь идет о том, каким образом нашим ученым удавалось получать импульсы извне, какой необычный и парадоксальный способ приобщения к мировой науке был

²⁰ Уваров П. Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 194-208.

²¹ Хотя и культурологи подвергались репрессиям, и эмигрировали, были вынуждены писать 20 лет «в стол», как А. Ф. Лосев, но, видимо, традиция культурно-философских, культурно-исторических исследований была настолько мощнее, что они сумели преодолеть период единомыслия и марксистской ортодоксии успешнее, чем музеологи.

²² Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х томах. Гл. ред. Левит С. Я. Т. 1. СПб., 1998. 447 с. Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. 447 с.; Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / Главный редактор и автор проекта С. Я. Левит. М., 2007. Т. 1. 1392 с.; Т. 2. 1184 с.

²³ Доброхотов А. Алфавит культуры // Новый Мир. 2008. № 7. С. 178-180.

²⁴ Степанищев С. А. Культурология. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. М., 2007 // Философия и общество. 2008. № 4 (52). С. 192-198. См. также по адресу: http://www.socionauki.ru/journal/fio/archive/2008_4/ (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

изобретен в СССР в условиях искусственной изоляции. В глухие 1960-е, застойные 1970-е и первую половину 1980-х гг. у культурологов уже не было полной изоляции от мировой гуманитарной науки: функцию трансляции передовой мысли в значительной степени взял на себя ИНИОН АН СССР.

Благодаря систематической работе по подготовке реферативных сборников, выходявших в ИНИОН, направленных на критику и «разоблачение» буржуазных концепций по философии и теории культуры, культурной антропологии и социологии культуры, ответственные исследователи, в первую очередь те, кто делал переводы и обзоры, имели возможность узнавать о новейших тенденциях развития мирового культурологического знания. Доступ к запретным теориям и концепциям позволял узкому кругу специалистов держать руку на пульсе, способствовал проникновению и усвоению «враждебных» немарксистских теорий и концепций. Эта система «разоблачения» получала обратный эффект. Реферативные сборники стали для ученых своеобразным «окном» в иное интеллектуальное пространство, свободное от догм. Они сыграли такую же роль в истории отечественной гуманитаристики, какую сыграли в истории нашей культуры закрытые показы зарубежных фильмов для избранных работников идеологического аппарата ЦК партии и экспертов из министерств. «Запретное знание», увиденное, услышанное и прочитанное узким кругом, распространялось очень быстро в среде ученых, испытывавших интеллектуальный голод по свободной мысли, не скованных догмами вульгаризированного марксизма. Конечно, нельзя считать реферативные сборники и эпизодические поездки на международные конференции отдельных ученых полноценным научным обменом, поскольку только в редких случаях достижения отечественных исследователей были известны за рубежом. И, тем не менее, переводы и реферативные сборники сыграли свою роль: они способствовали формированию нового мировоззрения российских ученых. В этом отношении показательна, на наш взгляд, внутренняя эволюция ведущего российского специалиста в области культурологического образования д.и.н., профессора Российского Государственного гуманитарного университета – Галины Ивановны Зверевой, которая параллельно с разработкой темы по истории Шотландии и английской историографии²⁵ несколько десятилетий занималась реферированием западных культурологических концепций. Такое знание позволило ей занять ведущее место не только в сообществе российских культурологов, но получить признание западноевропейских специалистов в области культурологического образования.

Итак, исследования по культуре легли на подготовленную почву. Культурология, как самостоятельное, междисциплинарное знание, получила официальное признание в 1990-е гг. – тогда, когда «шлюзы» цензуры были уже открыты, и началось насыщение гуманитарного пространства исследованиями по культуре. Однако не следует думать, что в новом сообществе российских культурологов все было безоблачно. И было бы наивно думать, что это сообщество в период складывания, как и сейчас, двадцать лет спустя представляло собой монолит. В этой научной корпорации, как и в любой творческой среде, много противоречий, конкурирующих направлений, подходов и борьбы личных амбиций и т.п.²⁶

²⁵ См.: *Зверева Г. И.*: 1) Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. М., 1986; 2) История Шотландии. Учебное пособие для вузов. М., 1987; 3) Современная историография Великобритании. М., 1991 (в соавторстве с В. В. Согриным и Л. П. Репиной).

²⁶ Серия «Энциклопедия культурологии» под редакцией К. Э. Разлогова при всем своем теоретическом богатстве, заслуживающем искренних аплодисментов, осталась коллекцией интересных авторских позиций. См.: *Доброхотов А.* Алфавит культуры // Новый Мир. 2008. № 7. С. 178.

Коммуникативный разрыв существует между академической корпорацией культурологов и преподавательским сообществом университетов. Представители академий считают себя «творцами», а преподавателей культурологических дисциплин рассматривают в основном в качестве «популяризаторов, трансляторов знаний», скептически оценивают их вклад в научный процесс²⁷. Думается, что «разделительные границы» такого плана постепенно будут преодолены, поскольку именно вузы поставляют академическим институтам новые кадры, они позволили многим выдающимся культурологам только на закате своей научной карьеры обрести учеников²⁸. Университеты обеспечивают преемственность методологических приемов, именно они позволили российским культурологам сохранить научные школы, несмотря на перипетии истории²⁹.

Следует признать, что в теоретической части культурология в России опередила музеологию, такое положение нашло отражение в том, что в культурологии на современном этапе развития этого направления гуманитарного знания в России уже сложился и круг исследователей занимающихся не только теорией культуры, но и науковедческой проблематикой – историей культурологии. Специальные исследования по историографии культурологии признаны в качестве самостоятельного направления. Более того, в учебных программах давно узаконен курс «История культурологии»³⁰, изданы учебники и учебные пособия. Разница позиций между культурологами и музеологами определяется еще и тем, что культурология как учебный предмет и комплекс учебных программ для профессиональной подготовки культурологов изначально опиралась на теорию и историю культуры, а прикладная культурология рассматривалась, как дополняющая и расширяющая предметное поле.

С музеологией все обстоит еще сложнее. Музеология как направление профессионального образования выростала из музейного дела – *музееведения*, а еще ранее ему предшествовала *музография*, и была нацелена, в первую очередь, на решение конкретных задач, на обучение практическим знаниям. Музейщики-практики, активно включившиеся

²⁷ Разделение закрепляют «открытые» только для избранных кругов академической науки, но не доступные для других исследователей, элитарные журналы, сборники. Разные подходы к изучению культурологических проблем находят отражение в признании конференций, форумов и институтов. Создаются разные энциклопедии. Нельзя не указать на ряд моментов, которые дискредитируют культурологию. Особенно часто это происходит в тех случаях, когда популяризация знания граничит с вульгаризацией. Пытаются представить ее служанкой и частью философии, социологии, антропологии и т.д.

²⁸ Известно, что многие историки культуры до начала 1990-х гг. учеников не имели, были одиночками. Например, А. Я. Гуревич в своей биографии выражал сожаление по этому поводу. «Он никогда не преподавал на истфаке родного МГУ, не получил возможности создать свою «школу». Эта тема неполной реализации своих возможностей в силу враждебных обстоятельств ясно прослеживается в книге». См.: *Зарецкий Ю.* Арон Гуревич. История историка. М.: РОССПЭН, 2004 // Критическая Масса. 2006. № 3. См. по адресу: <http://magazines.russ.ru/km/2006/3/za20.html> (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

²⁹ Уникальный в этом отношении опыт Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского в РГГУ, где в начале 1990-х гг. был собран весь цвет культурологической мысли России, показывает насколько может быть плодотворной «прививка» академической науки в образовательную среду. Именно в условиях РГГУ у многих академиков впервые появилась аудитория слушателей – студенты, аспиранты, они получили возможность популяризации своих исследований, а университетская аудитория получала возможность знакомства с новейшими научными разработками.

³⁰ *Дианова В. М., Солонин Ю. Н.* История культурологии: Учебник для бакалавров. 3-е изд. М., 2013.

в образовательный процесс, зачастую не понимают: для чего нужны теория, тем более история этой науки?

Историкам науки известны те времена, когда оригинальные российские концепции в области теории музейного дела стояли на передовых рубежах мировой науки. Такой высокий уровень сохранялся два первых десятилетия XX в., но в силу субъективных обстоятельств социально-политического порядка полнокровное развитие музееведения было приостановлено. В этот период целый ряд блестящих теоретиков в области музеологии был подвергнут репрессиям³¹, а другие были вынуждены эмигрировать. Носители знания были уничтожены, преемственность прервалась, а книги пылились в спецхранах.

Возникает вопрос: «Смогут ли сложиться научные школы по музеологии в современных условиях?» Постановка такого вопроса пока звучит не просто риторически, а приобретает оттенок научной фантастики. Как известно, научные школы не создаются директивным путем, а вызревают подобно живым организмам из научных направлений, идей, гипотез, концепций. Понимая, что наличие школ является важным показателем престижности вузов и даже страны, многие функционеры весьма легковесно думают, что школы можно создать приказом, подобно взмаху «волшебной палочки»³². Главным признаком научной школы является научная методология, направленная на решение конкретных научных проблем. Для школы важна среда, преемственность поколений, сохранения механизма передачи знаний от учителя к ученику. Общее географическое пространство является важным, но необязательным условием³³. Примерами научных школ, получивших заслуженное признание в гуманитарной корпорации, можно считать французскую школу «Анналов» XX в., ведущее направление в немецкой исторической науке 50 – 80-х годов XIX столетия, так называемую «малогерманскую школу историков», венскую школу искусствознания, мифологическую школу, лестерскую музеологическую школу³⁴ и др.

Резонный вопрос: а по всем ли направлениям возможно возникновение научных школ в отдельных странах? Везде ли возможны национальные научные школы? Это вопрос культурологического порядка, связан он с проблемами особенностей национального мышления, или «этноментальности». История науки дает нам примеры того, как даже

³¹ Среди репрессированных музеологов были: Н. П. Анциферов, М. Д. Беляев, Г. С. Габаев, М. И. Смирнов, В. И. Смирнов, С. И. Руденко, А. И. Андреев, А. И. Яковлев и др.

³² Некоторые необоснованно поднимают до статуса школ институцию «профессор и группа его аспирантов». Модель «профессор и ученики» – это не школа, а лишь одна из форм микрообщества в научном мире.

³³ Существуют примеры того, что школы складывались без привязки к какому-то городу и научному центру. В истории науки известны школы и без единого центра, например, так называемая «малогерманская школа историков». В процессе развития школы проходят несколько этапов: после вызревания идей и концепций, у исследовательских групп начинается институционализация: оформляется научное направление, создаются творческие лаборатории, происходит прикрепление к крупным исследовательским центрам, университетам, академиям. И еще один важный компонент для создания научной школы – наличие гения, генератора идей, без него чуда рождения школы может не случиться. Момент появления гения, или возникновения оригинальной теории в голове чрезвычайно талантливого человека трудно спрогнозировать или предугадать. Могут сложиться все компоненты в одном месте и в одно время: творческая среда, оборудование, идеальные лабораторные условия, материальное обеспечение, но не будет только одного компонента – гения и одновременно талантливого организатора научных исследований, и в этом случае механизм «вырастания» научной школы не запустится.

³⁴ О ней см.: *Ананьев В. Г.* Лестерская школа музеологии: История, персоналии, идеи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2013. № 2. С. 127-134.

ведущие страны не имели национальных школ по многим направлениям гуманитарного знания. Например, в России никогда не было философской школы, подобно философским школам Германии, Франции и Англии. Почему Россия не занимала лидирующие позиции в философии даже среди европейских стран? Это тема специальных исследований, которые проводят историки философии³⁵.

Поскольку наука является частью культуры и подчиняется общей логике ее развития, то в истории научных направлений в отдельных странах, представляющих разные культурно-генетические типы, может не обнаружиться склонность к развитию некоторых научных направлений, тогда как у других народов они будут процветать. Потому не стоит ожидать и уповать на появление научных школ по всем направлениям науки во всех странах. Может быть, как это ни обидно звучит, отечественные ученые упустили свой шанс в создании музеологических школ в России и потеряли возможности лидировать в этом направлении навсегда. Хотя прекрасно известно, что такие возможности в начале XX в. в России были: были крупные ученые, авторы оригинальных концепций, великолепная сеть столичных, губернских, краеведческих музеев, коллекции, высокопрофессиональные кадры рядовых музейных работников. Но последующие десятилетия идеологического давления на развитие музейного дела не прошли бесследно. Все это нанесло такой же вред музеологии, как партийные запреты на генетику и кибернетику.

И вновь мы возвращаемся к извечному русскому вопросу: «Что делать в этой ситуации?» Есть ли надежда на восстановление национального престижа в этом направлении? Существуют ли признаки для формирования в России на современном этапе музеологических школ? Совершенно однозначно можно констатировать, что к настоящему времени сформированы институциональные центры: по всей стране функционирует около десятка кафедр музейного профиля³⁶, отделы в НИИ Министерства культуры РФ, исследовательские группы в крупных музеях, которые разрабатывают отдельные направления музеологии. Но количественные показатели пока не перерастают в качественные, пока не наблюдается главных условий – наличия методологии, разработанного категориального и понятийного аппарата, определения предмета и содержания дисциплины.

Внешним проявлением незавершенности процесса дисциплинарного оформления музеологии можно считать отсутствие у российских музеологов собственного перечня журналов и сборников с грифом ВАК, тогда как у культурологов такие издания существуют. Российские музеологи испытывают трудности с продвижением своих идей на международном уровне. Творческое наследие предшествующих поколений и современные наработки российских музеологов остаются, так сказать, для «внутреннего пользования». И эту проблему невозможно решить директивным путем, надо, чтобы наши идеи,

³⁵ Интересные размышления на эту тему представил В. М. Межуев. В одной из его последних книг открыто поставлен вопрос о том, «почему русская философия – даже дореволюционная – в отличие от русской литературы и искусства так и не стала органической частью общеевропейской культуры, не нашла за рубежом признания и поддержки». См.: *Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования*. СПб., 2011. С. 55. (Классика гуманитарной мысли. Вып. 2).

³⁶ В 1981 г. в НИИ культуры была открыта очная и заочная аспирантура по специальности «Музееведение». В 1984 г. Всесоюзный институт повышения квалификации работников культуры организует у себя кафедру Музейного дела – учебно-методический центр по работе с руководителями в области культуры и искусства. В 1987 г. в Государственном Историко-архивном институте создается кафедра Музееведения. С конца 1980-х гг. подготовку музейных работников ведут Институт культуры имени Н. К. Крупской в Ленинграде, Уральский и Кемеровский государственные университеты, Восточно-сибирский институт искусств в Улан-Удэ.

теории были интересны зарубежным коллегам. Только в этом случае на них обратят внимание, и только тогда они станут «культурным продуктом», востребованным не только в пределах России, но и во всем мире. Это единственный цивилизованный путь получения признания в международном научном сообществе.

Таковы, на наш взгляд, основные факторы, тормозящие формирование музеологических научных школ в России.

С уверенностью можно утверждать лишь то, что без системного осмысления опыта предшествующих поколений отечественных и зарубежных музеологов постановка вопроса о «школе» будет выглядеть, как новая утопия. В современных условиях можно констатировать, что, с одной стороны, существует ряд благоприятных факторов для создания школ, с другой же стороны, есть препятствия, которые могут негативно отразиться на судьбе самой дисциплины.

С одной стороны, признание самостоятельности музеологии в качестве особой области гуманитарного знания на уровне международного музеологического сообщества предполагает необходимость разработки ее собственной истории. Именно приобретение музеологией статуса теоретического академического, а не только прикладного знания послужило основой для открытия профессиональной подготовки музеологов в образовательном пространстве России³⁷. Академическая наука о музее, нацеленная на решение фундаментальных теоретических проблем, предшествовала профессиональному оформлению учебных курсов. Так было и в истории культурологии в России, поскольку такова логика и правило развития любого научного знания: наука предшествует и является обязательным условием и теоретической базой для создания специализированных образовательных программ. Однако с сожалением приходится констатировать, что за более чем двадцатилетний путь развития музеологического образования в нашей стране в учебных программах в перечне курсов по подготовке музеологов до сих пор не существует обязательной дисциплины – «История музеологии».

Причины складывания такой ситуации нам видятся в нерешенности следующих принципиальных вопросов. Во-первых, теоретики музеологии пока не предложили обобщающего монографического исследования по истории музеологии. Во-вторых, до настоящего времени не сложилось единого мнения о предметных границах и структуре курса. Предметом дискуссий является само название курса. Варианты предлагаются самые разные: «Музееведческая мысль», «Теория и история музеологических концепций», «История музеологии» и т.д. В-третьих, не выбрана методология описания теоретического наследия. В таком состоянии музеологическая наука не сможет синтетически, творчески переосмысливать достижения родственных гуманитарных наук, таких как культурология, искусствоведение, философия, социология, история и др. Без осмысления предыдущего опыта невозможно ясное понимание целей современного этапа развития науки. В таком хаосе идей, наука обречена на бессистемное вращение по замкнутому кругу уже решенных проблем, на казусы с «открытием» давно известных истин, на эпигонство и имитацию развития.

Необходимо отметить, что субъективным фактором, тормозящим становление историко-научного направления в рамках целостного музеологического знания, является нега-

³⁷ Сотникова С. И. Подготовка музейных специалистов: история и современное состояние // Музей. 2005. № 3. С. 26-27, 30; Сидорова И. Б. Общая музеология как учебная дисциплина: дискуссионные вопросы // Вопросы музеологии. 2010. № 1. С. 99.

тивное отношение к теории и академической науке со стороны музейщиков-практиков, принимающих активное участие в образовательном процессе. Непреодолимый «барьер» сложился, прежде всего, в головах людей. В данном случае можно диагностировать отсутствие понимания важности решения теоретико-методологических вопросов в среде музеологов. Преподаватели музеологии сами признают, что запрос на теорию «идет именно со стороны университетов и академических учреждений. Музеи не очень нуждаются в рассмотрении таких отвлеченных вопросов»³⁸.

Известно, что круг интересов многих музейщиков ограничен конкретными проблемами музейного дела, точнее музейного ремесла, традиционно передаваемого «из рук в руки», «из уст в уста». Сложившаяся ситуация увеличивает разрыв между академическим пространством музеологии и образовательным процессом.

Несомненно, важным подготовительным этапом в становлении историко-научного направления в музеологии являются хрестоматии, диссертации и специальные публикации, в которых были бы предприняты попытки анализа и презентации громадного эмпирического материала (концепций, персоналий, ключевых событий, музейных съездов, программных документов, специализированных изданий). Однако пренебрежение авторов к четкому определению своей теоретико-методологической позиции снижает ценность их титанических усилий в этом направлении. Подобные труды будут всегда уязвимы с точки зрения выбора критериев по отбору концепций и имен, определения хронологических рамок, методов периодизации истории музеологии.

Например, в последней фундаментальной хрестоматии «Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв.», подготовленной Э. А. Шулеповой, М. Е. Каулен и А. А. Сундиевой³⁹, собран огромный свод документов, около четырех десятков персоналий и текстов российских музееведов и музеологов. Следует признать, что авторами солидного тома хрестоматии проделана значительная работа по выявлению имен, сбору текстов, их интерпретации в виде комментариев. Заслугой авторского коллектива является также введение в научный оборот ранее неизвестных или неопубликованных текстов. Но самое предварительное знакомство с авторским замыслом хрестоматии вызывает множество вопросов. В аннотации к тому написано: «Ядро книги составили откомментированные выдержки из выдающихся произведений отечественной музееведческой мысли <...> принадлежащих перу предыдущих поколений деятелей отечественной культуры»⁴⁰. Однако, кроме сомнительности самого названия хрестоматии «Музееведческая мысль в России», и обозначенных авторами хронологических рамок, возникают вопросы другого порядка.

Возникает один из главных вопросов к авторам книги: «Каковы принципы отбора персоналий?» Полагаем, что критерии различения и сравнения персоналий необходимы для преодоления уравнительного принципа оценки их наследия и вклада в науку. В предисловии встречается следующее пояснение по этому поводу: «Критерий отбора текстов – их значение для развития музейного дела и науки о музеях, а также личность их создателя, внесшего заметный вклад в развитие музейного дела». Такое определение критериев только затуманивает, на наш взгляд, а не поясняет ситуацию. Как определить, кто из «отобранных» наиболее значим и второстепенен? Поскольку в любой науке есть фигуры, так сказать,

³⁸ Сидорова И. Б. Общая музеология как учебная дисциплина. С. 100.

³⁹ Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, А. А. Сундиева. М., 2010.

⁴⁰ Там же. С. 2.

первого ряда, те, кто определяет магистральную стратегию развития, а есть второго и третьего и т.д. Последние составляют фон, формируют творческую среду, они участвуют в процессе уточнения более узких направлений знания, они не менее важны для восстановления общей картины развития науки. Да, выстраивать ученых и их наследие по хронологическому ранжиру достаточно легко, но, вряд ли, имеет глубокий смысл. Ведь ученые, писатели и философы не равны, роли их неоднозначны⁴¹.

С одной стороны, в книге представлены широко известные и признанные в российском музейном мире авторы оригинальных музейных концепций, подлинники подвижники музейного дела – И. В. Цветаев, Ф. И. Шмит, Н. Г. Машковцев, Н. Ф. Федоров, Н. П. Анциферов, А. У. Зеленко, Б. Ф. Адлер и др. С другой стороны, в хрестоматии представлена группа персоналий, известных лишь узкому кругу специалистов. Эта группа представителей русской культуры оставила эпизодические размышления о музеях и коллекциях. Кроме того, в хрестоматию включены статьи, выступления работников и партийных функционеров, роль которых в истории становления отечественной науке о музее оценивается весьма неоднозначно, среди них – А. А. Федоров-Давыдов, И. К. Луппол. В то же время, в хрестоматию не вошли работы таких известных музейных работников, как, например, Г. С. Гейченко и А. Шеманский⁴², Г. Л. Малицкий⁴³ и др. Поэтому набор персоналий в данной хрестоматии всегда будет вызывать вопросы с точки зрения полноты охвата.

Рассматривая корпус хрестоматий, и обозначившийся в российской музеологии кластер историографических обзоров регионального и общероссийского характера, попыток рассмотрения музеологических концепций с культурологических позиций⁴⁴, можно выделить ряд узловых проблем, нерешенность которых ведет к методологической путанице.

Итак, **проблема первая**: *хронологические рамки*, вернее, проблема «начала» музеологии в качестве самостоятельной области гуманитарного знания. Историки науки о музеях расходятся в определении времени существования «музеологии» как области

⁴¹ Опубликованные отрывки из монографии Ф. И. Шмита – совсем на другую, более спокойную, «краеведческую» тему. Книга Н. И. Романова «Местные музеи ...» вообще не представлена, даже в отрывках. Вместо нее – сухие тезисы из его доклада на Первой Всероссийской конференции по делам музеев 1919 г. Кроме того, отсутствует статья, точнее – блестящий доклад Ю. К. Милонова, сделанный на Первом всероссийском музейном съезде. А ведь можно было бы напечатать хотя бы отрывок о «грамматике и синтаксисе» музейного языка. Ср.: *Поляков Т. П.* «Очень своевременная книга ...» (Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв.: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.) // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6) – электронное периодическое издание. См. по адресу: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/89.html&j_id=8 (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

⁴² *Шеманский А., Гейченко С.*: 1) Историко-бытовой музей XVIII века в Петергофе. Большой дворец. М.; Л., 1932; 2) Последние Романовы в Петергофе: Нижняя дача. М.; Л., 1931; *Гейченко С. С.* У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. 5-е изд., доп. Л., 1986.

⁴³ *Малицкий Г.*: 1) Литература по теории историко-археологических музеев // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 200-213; 2) Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции // Научный работник. 1926. № 2. С. 42-57; 3) Основные вопросы истории музейного дела в России (до 1917 г.) // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / НИИ краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 156-172.

⁴⁴ *Шляхтина Л. М., Фокин С. В.* Основы музейного дела. СПб., 2000; *Грицкевич В. П.* История музейного дела до конца XVIII века. СПб., 2004; *Юренева Т. Ю.* Музееведение. М., 2004; *Шляхтина Л. М.* Основы музейного дела. М., 2005; *Рубан Н. И.* Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности (Учебное пособие). Хабаровск, 2007; *Сапанжа О. С.* Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология. СПб., 2011.

системных исследований в междисциплинарном пространстве гуманитарных наук. Одна группа российских историков музееведения считает, что этот период охватывает 300 лет⁴⁵, другая группа выделяет только последние 150 лет. Расхождение, видимо, заключается в разном понимании «точки отсчета» – стадии оформления научного знания. Первые ведут историю от описаний музейных коллекций – *музеографии* и знаковой в этом отношении книги К. Ф. Найкеля «Музеография или руководство к правильному пониманию и полезному устройству музеев или раритет-камер» (Лейпциг и Бреслау, 1727 г.)⁴⁶, вторые более реалистично оценивают момент зарождения музеологии / музееведения, они начинают вести отсчет с начала появления систематических исследований и первых теоретических обобщений и концепций в этой области. Следовательно, если придерживаться более реалистичной позиции, то выделение музеологии из всего комплекса гуманитарных знаний, переход ее от стадии музеографии к музеологии наметились примерно 150 лет назад, но подлинная история науки с теорией, научными школами, национальными центрами, понятийным аппаратом начала складываться только в первой четверти XX в. В этом промежутке времени происходили процессы важные для оформления музеологии, как науки: стало складываться сообщество музеев в Европе, Америке, России, начали проводиться научные конференции, издаваться специализированные журналы, укреплялись и расширялись коммуникативные связи между академическим сообществом и музейщиками-практиками.

Проблема вторая: *о предметных границах музеологии.* Естественно, проблема истоков сопряжена с уточнением предметных границ. Что следует считать «музеологическим знанием»? Дискуссионность названия предмета в России в настоящий момент отражает различные методологические подходы и способы описания музеологии. До сих пор в монографиях и учебной литературе по музеологии / музееведению встречаются разночтения. Часть ученых и практиков называет предмет «музеологией», другая группа – «музееведением»⁴⁷. Название «музеология» также как и культурология было

⁴⁵ В аннотации хрестоматии «Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков» хронологические рамки обозначены таким образом: «Собранные в ней материалы дают представление об историческом времени, эволюционных и деструктивных процессах в жизни музея и в отечественном музееведении более чем за 300 лет». См.: Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков. С. 1.

⁴⁶ Первым музеографическим сочинением считается книга гамбургского торговца К. Ф. Найкеля «Музеография или руководство к правильному пониманию и полезному устройству музеев или раритет-камер» (Лейпциг и Бреслау, 1727). Найкель описал все известные ему коллекции мира, располагая их по алфавиту названий городов, в которых хранились эти коллекции, особое место отвел собранию Гамбурга, из российских городов упомянул Санкт-Петербург.

⁴⁷ **Музеология**, комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теорию и методику всех сторон музейной деятельности, изучающая происхождение и историю музеев, их общественные функции. ... К **музееведению** относятся: проблемы комплектования музейных коллекций; атрибуция произведений; отбор экспонатов для хранения, постоянного или временного экспонирования; определение наиболее благоприятного режима хранения экспонатов (температура, влажность и пр.), обусловленного спецификой составляющих их материалов (камень, дерево, холст, краски различного состава, бумага, ткани, металл, стекло и др.); выработка принципов и систем научного документирования, обеспечивающих учет и сохранность музейных коллекций, а также методики научно-просветительской работы. С последней функцией связано также изучение психопедагогических вопросов, в частности воздействия на зрителя произведений искусства, памятников истории и культуры. См.: Популярная художественная энциклопедия / Под ред. В. М. Полевого. М., 1986// http://russo.com.ua/hudojestvennaya_entsiklopediya/page/muzeevedenie.2312. Директор Хабаровской краевой краеведческого музея им. Н. И. Гродекова, к.и.н., доцент кафедры политической истории ДВГГУ Н.И. Рубаном предлагает свое толкование понятий «музееведение» и «музеология»: «Под музее-

импортировано в российскую науку. Известно, что истоки музеологии, как научной дисциплины, восходят к концу XIX в., когда в 1877 г. в Дрездене стало выходить первое специализированное печатное издание «Журнал по музеологии и антиквароведению». Музеология появилась в списке преподаваемых дисциплин в 1919 г. в Университете Брно. В настоящее время некоторые специалисты склонны понимать под музеологией только теоретические, философско-культурологические концепции, а все остальные разделы относят в область практики музейного дела. К проблеме предметных границ музеологии примыкает и проблема содержания курса, которая выглядит относительно решенной в рамках нынешнего этапа развития знания. Содержание курса более или менее определено, учитывая то обстоятельство, что процесс этот продолжающийся, и возможно вливание новых синтетических дисциплин в общее русло музеологии.

Проблема третья: *разработка категориального аппарата.* В последние четыре десятилетия накоплен определенный опыт по систематизации научно-понятийного аппарата, который был представлен в ряде пробных словарей⁴⁸. Признавая тот факт, что «язык музееведения до сих пор находится в стадии становления», ученые предлагают свои объяснения «отставания терминологического аппарата науки от потребностей музейной теории и практики»⁴⁹.

Одновременно, российские музеееды включены в процесс постоянного обновления терминологического словаря. Современные российские ученые стремятся учитывать расширяющееся предметное поле музеологии, используя новую терминологию в своих исследованиях. Чутко реагируя на меняющиеся парадигмы гуманитарного знания и «культурно-лингвистические повороты», российские теоретики музеологии в своих работах последних лет стремятся обновить лексический арсенал. С этой целью они проводят самостоятельную работу по уточнению значений и смыслов интегративных терминов, используемых представителями гуманитарной корпорации. Другим фактором, влияющим на обновление терминологического словаря музееведов, является стремительно меняющаяся практическая жизнь музеев, продолжающееся расширение понимания его функций, целей и предназначения в культуре, в жизни общества в целом. Стремление соответствовать современным научным стандартам и вызовам времени вынуждает авторов монографических исследований и учебных курсов последних лет самостоятельно составлять

ведением понималась «наука о музейном деле», «наука о музеях», или более узко — «музейная теория». Такое описание фиксирует лишь лежащую на поверхности связь между научной дисциплиной и одним из ее объектов — музеем как учреждением. Давно назревшая необходимость определения научных понятий, обозначаемых терминами «музеология», «музееведение», нашла свое определение в разделе дисциплин ОПД Госстандарта. **Музеология – наука, изучающая процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов.** Являясь специальной дисциплиной, музеология создает теоретические и научно-методические основы практики музейного дела, обобщает его исторический опыт». См.: *Рубан Н. И.* Музеология. История музейного дела. С. 3.

⁴⁸ Краткий словарь музейных терминов [Сост. А. Б. Закс, Д. А. Равикович, А. М. Разгон, Н. П. Финягина при участии А. Н. Дьячкова, А. В. Кондратова, А. И. Михайловской, У. М. Поляковой]. М., 1974; Краткий словарь музейных терминов // Музеи и памятники культуры в идейно-воспитательной работе на современном этапе. М., 1983. С. 103-153; Музейные термины // Музейные термины. Терминологические проблемы музееведения. М., 1986. С. 38-135; Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. М., 1988; Музейное дело России. / Отв. ред. М. Е. Каулен. М., 2003; Основы музееведения / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2005.

⁴⁹ *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 41.

индивидуальный словник отобранных категорий, понятий и терминов⁵⁰. Однако характерной чертой этих словарей стал субъективный и, подчас, случайный выбор опорных понятий и терминов. При сохранении такого подхода к научной терминологии всегда будут возникать вопросы относительно полноты предлагаемого словника, строгих критериев отбора понятий, их определений.

Подобная тенденция последних десятилетий вызывает озабоченность не только российского, но и международного музеологического сообщества, на повестке дня оказывается проблема выработки универсального языка описания музейных феноменов. В одной из недавних монографий М. Е. Каулен прослежена динамика интереса музеологического сообщества к проблемам терминологического аппарата, начиная с 1965 г. и до наших дней. По ее мнению, наиболее интенсивным периодом разработки языка музееведения был период с середины 1960-х до середины 1980-х гг., который сменился «определенным равнодушием к этой деятельности» в конце 1980-х – 1990-е гг. Известно, что на рубеже 1970 – 1980-х гг. «в ICOFOM приступили к стадии гармонизации музееведческой терминологии или, другими словами, обеспечению сопоставимости научной терминологии национального и международного уровней»⁵¹. Однако многочисленные шаги, предпринятые в этом направлении, отражали только промежуточный этап формирования международного музеологического глоссария. В начале XXI в. работа в этом направлении вновь активизировалась⁵².

Публикацию в 2012 г. на русском языке перевода словаря-справочника «Ключевые понятия музеологии» (ICOM), составленного Андре Девалье и Франсуа Мерессом⁵³, можно рассматривать, как начало нового этапа в процессе обновления понятийно-терминологического словаря и выявления минимального круга универсальных категорий. Данный словарь, по замыслу авторов, «представляет преимущественно *франкоязычное видение* музеологии», тогда как, известно, что существует и влиятельный *англосаксонский* вариант интерпретации смыслов и содержания музеологических терминов и понятий. Значительный объем словаря представляет лексический минимум терминов, используемых только в узком кругу музейных работников и теоретиков музейного дела⁵⁴. В этот

⁵⁰ Приложение терминологического словаря в новых книгах по музеологии стало своеобразной этической нормой. См.: Там же. С. 393-403.

⁵¹ *Леценко А.* Проблемы становления музееведческой терминологии на международном уровне // *Музей.* 2009. № 5. С. 43.

⁵² В эти годы «рядом музееведческих центров – Международный совет музеев (ИКОМ), сектор музейной энциклопедии Российского института культурологии, Лаборатория музееведения Музея современной России, берлинский институт музееведения и др. была проведена работа по приведению понятийно-терминологического аппарата музееведения в соответствие с современным состоянием музейной практики. Ее результатом стало появление в 2010 – 2012 гг. целого ряда публикаций музеологических словарей». См.: *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. С. 42.

⁵³ Ключевые понятия музеологии / Составители: André Desvallées et François Mairesse. [М., 2012]. Электронный вариант работы см. по адресу: http://www.icom.org.ru/docs/A206_ICOM.brochure.2012.05_press.pdf (ссылка последний раз проверялась 20.07.2013 г.).

⁵⁴ В то же время, справочник, по мнению авторов, должен вызвать интерес не только специалистов, но и широкой публики, поэтому элемент научной популяризации музейной лексики неизбежен. Аллисандра Камминс, президент Международного совета музеев (ИКОМ), сформулировала это в предисловии к изданию следующим образом: «В качестве *avant premiere*, представляющей полный «Энциклопедический словарь», эта небольшая книга предназначена для того, чтобы предоставить самой широкой публике доступ одновременно в историческом и современ-

минимум вошли около полутора десятков понятий, такие, как «музеолог/ музеология», «музеалия/ музеальность», «музеефикация/ музеефицирование», «музей», «музогеография», «музейный предмет», «экспозиция», «хранение», «артефакт», «коллекция». Большую часть словаря составляют термины общекультурного значения. Следует признать, что в музеологических исследованиях и документах термины «общекультурного значения», такие, как «подлинность»/«аутентичность», «произведение искусства», «репродукция», «культурная собственность», «культурный след»/«свидетельство», «материальная культура», «наследство», «наследие» «национальное достояние», «образ», «памятник», «память», «подлинность», «ценность», и другие приобретают дополнительные, специальные смыслы, но от такого употребления их общеизвестное значение не меняется.

В «Российской музейной энциклопедии»⁵⁵ в 2001 – 2005 гг. был представлен словарь музейных терминов, всего 168 терминов, из них около 70 терминов из смежных областей гуманитарных знаний, из которых выросла музеология. В словарном разделе энциклопедии специфических музеологических терминов относительно немного, большая часть из них использовалась в музейном сообществе около столетия назад. Объем новых терминов, вошедших в научный оборот на последнем этапе развития музеологии, достаточно невелик. В словаре скупно представлены научные направления в музеологии/ музееведении, они ограничены пятью областями: «историческим музееведением», «памятниковедением», «музейной педагогией», «прикладным музееведением», «музейным проектированием», «теоретическим музееведением». Думается, что в действительности существует гораздо больше научных направлений в музеологии, но название их предметных областей еще далеки от строгих формулировок. Досадным упущением, на наш взгляд, данного словаря следует считать отсутствие характеристик национальных музеологических школ, научных центров и институтов. Например, лестерской школы в Англии, пражской школы и др. Кроме частных моментов, к данному словарю есть замечания принципиального характера: в энциклопедии не представлено теоретическое обоснование принципов отбора понятий при составлении словника, группировки понятий и т.д.

Отечественные теоретики музеологии вынуждены признавать незавершенность процесса стандартизации даже общепринятых понятий и определений не только на российском, но и на международном уровне⁵⁶. Выводы ученых достаточно самокритичны и неутешительны. Показательно, что музеологи цитируют по этому поводу слова И. Канта: «наблюдение явлений без формулировки понятий распадается и представляет собой хаос»⁵⁷. Включение авторами специальных исследований по музееведческой терминологии подобных характеристик для определения состояния развития научного знания отражает понимание ими несовершенства существующего категориально-понятийного

ном контексте к происхождению и эволюции различных терминов, которыми сегодня изобилует язык». См.: Там же. С. 9.

⁵⁵ Принцип составления «Российской музейной энциклопедии» (2001 – 2005) существенно отличается от аналогичной энциклопедии «Культурология» (2007). Музейная энциклопедия составлена по принципу разделов, в которых представлены очерки по темам: «музеи России», «люди музейного мира», «наука о музее», «направления музейной деятельности», «история музейного дела», «коллекционирование», в качестве приложения – «словарь музейных терминов». Тогда как в Культурологической энциклопедии представлен в основном понятийный ряд, хотя она включает в себя и персоналии, подходы. См.: Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1-2; Российская музейная энциклопедия / Рос. институт культурологии; редкол.: В. Л. Янин (председ.) и др. [2. изд.]. М., 2005.

⁵⁶ *Леценко А.* Проблемы становления музееведческой терминологии. С. 43-46.

⁵⁷ Там же. С. 46.

корпуса. Насколько нам известно, многие проекты международного масштаба в плане упорядочения и универсализации понятийного аппарата музееведения не получили окончательного оформления. Дискуссии о формулировках и определениях наиболее принципиальных музеологических терминов и понятий продолжаются как в российской науке, так и зарубежном музейном сообществе⁵⁸. В ряде случаев такая терминологическая несогласованность приводит ученых к путанице, препятствует формированию единого коммуникативного пространства, мешает решению фундаментальных проблем. Складывающаяся картина позволяет утверждать, что российским музеологам еще предстоит кропотливая работа по оттачиванию понятийного ряда и составлению универсального словаря.

Проблема четвертая: выбор *методологического подхода*, способа интерпретации теоретического наследия. В условиях провозглашенного плюралистического мировоззрения у историков музеологии существуют неограниченные возможности выбора теоретической платформы: от описательных, позитивистских до культурно-системных методов исследования. Принципиально разные методологические подходы нашли отражение и в «Российской музейной энциклопедии».

В настоящее время неотрафлексированность предмета «истории музеологии» находит отражение в многочисленных научных исследованиях, монографиях и учебной литературе для студентов. Специалисты в области музейного дела пытаются представить обобщения по теоретическому наследию российских музеологов, используя весьма расплывчатое, ненаучное понятие «музееведческая мысль». Свою позицию ученые изложили в ряде статей, где раскрывают содержание понятия «музееведческая мысль» следующим образом: «Музееведческая мысль – малоизученная, противоречивая и сложная для научной рефлексии сфера. Как научная дисциплина музееведение еще формируется, развиваясь в пограничных областях с другими науками – философией, социологией, психологией, культурологией, педагогикой и др. <...> Под *музееведческой мыслью* мы понимаем те, *позитивные идеи*, явившиеся результатом размышлений о содержании музееведения, его предмете и *объекте*, которыми является *феномен музея*, эволюция научных концепций в контексте исторического развития <...> Для современного понимания музееведения являются важными те *высказывания, положения, концепции*, содержащиеся в трудах отечественных ученых, которые оказались не просто прогнозами, а *получили подтверждение в музейной деятельности*. Изучение истории музееведческой мысли в России через призму социально-культурных процессов позволяет обнаружить в них присутствие тех идей, которые послужили катализатором формирования представлений о музее как о явлении культуры и социокультурном институте, признанном осуществить сохранение, интерпретацию и трансляцию культурно-исторического кода».⁵⁹ (*Выделено нами. – В. А., Л. С.*). Разумеется, что такие заявления не могут не вызывать возражения.

⁵⁸ Например, существуют существенные разногласия по поводу определения таких ключевых понятий, как «наследие», «музеефикация», «музейный предмет», «живой музей» и др. См.: Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. С. 42-46.

⁵⁹ Далее мысль авторов несколько витиевата: «Музееведческие идеи, выдвигавшиеся в России с начала XIX до начала XXI века, не всегда четко сформулированные их авторами, порой недостаточно теоретически обоснованные, иногда размытые и не дифференцированные или носят описательный характер. Вследствие этого возникают трудности в собственно научном определении музееведческой мысли, исходя из критериев научности, принятых в современном познании. Но это лишь первое поверхностное впечатление, коренным образом изменяющееся при более углубленном и детальном изучении. Происходившее интенсивное накопление богатого и разностороннего эмпи-

Надо сказать, что в публикациях на эту тему, как правило, практически отсутствует критическое переосмысление предыдущего исследовательского опыта, оценки уже сделанного. Ссылки и механистическая «инвентаризация»⁶⁰ авторов-предшественников не предполагают перехода на качественно новый уровень осмысления музеологической теории в социокультурном контексте своего времени. Современная историография давно признала ограниченные возможности метода инвентаризации и развивается совершенно в ином направлении. Эта наука, по утверждению Л. П. Репиной, все дальше уходит «от описания и инвентаризации исторических концепций, направлений, школ к анализу, главным предметом <...> становятся качественные перемены в исследовательском сознании историков. В поле зрения новой исторической критики оказываются не только результаты профессиональной деятельности историка, но вся его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика, в целом культура творчества историка»⁶¹.

К сожалению, приходится констатировать, что представители музееведческой науки, как и историки других гуманитарных знаний, остаются невосприимчивы к историографической теории, которая постоянно обновляется и предлагает более совершенные **методы интерпретации концепций**, подходов, персоналий, для восстановления более объективной картины развития истории науки. Сложившаяся ситуация высвечивает еще одну важную науковедческую проблему: **слабость междисциплинарных контактов между музеологами и историками**. Установленные в умах ученых «перегородки» не способствуют эффективному использованию современными музейщиками собственного творческого потенциала, накопленного представителями предыдущих поколений, а также снижают уровень осмысления теоретического опыта зарубежных исследователей.

Возражая Л. М. Шляхтиной и Е. Н. Мастенице, следует сказать, что, во-первых, перечисленные в данной статье «позитивные идеи» наряду с концепциями, теориями, взглядами, традиционно являются предметом изучения того направления истории науки, которое называется «историографией». Характеризуя содержание историографии, как, впрочем, и истории любой науки в ее полном объеме, можно сказать, что предметом ее изучения является не только история прогрессивных, передовых идей, но и история заблуждений, научных ошибок и неудач. Предметом истории науки являются не только концепции, школы, направления, методологические подходы, но и история академических центров, институтов, научных групп, история научных связей, научных сообществ и корпораций, процессы взаимовлияния идей, история забвения гипотез и открытий, опередивших свое время, а также история их реабилитации и возвращения в научное пространство и т.д. В процессе реконструкции истории научных сообществ особую важность приобретают персоналии, как признанных научных лидеров, так и биографии ученых-одиночек, авторов оригинальных проектов и теорий.

рического материала, способствовало постепенной кристаллизации принципов научного анализа, необходимых для становления науки и осмысления идей, которые сегодня составляют методологический каркас музееведения». См.: Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Становление и развитие музееведческой мысли в трудах Ф. И. Шмита // Собор лиц: сб. статей. СПб., 2006. С. 32.

⁶⁰ Хотя некоторые музееведы утверждают, что «историографический подход обещает быть плодотворным и с точки зрения «инвентаризации идей», выдвинутых музееведами в предшествующие годы». Почему-то такой «аспект» автор этого утверждения называет «источниковедческим». Вероятно, под «аспектом» автор имел виду метод историографического анализа. См.: Фролов А. И. Одна из забытых страниц // Чистотинова С. Л. Федор Иванович Шмит. М., 1994. С. 10.

⁶¹ Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. Вып. 1. С. 10.

Объектом исследования для историков науки, во-первых, были и остаются труды ученых, в которых были представлены идеи, теории и т.д., а также их архивы (дневники, эпистолярное наследие, воспоминания), которые используются как дополнительный источник для раскрытия творческой лаборатории исследователя, мотивов обращения к той или иной теме, и представления о наличии среды, в которой происходило рождение идей и концепций.

Во-вторых, предметом изучения в истории науки (любой, а не только гуманитарной)⁶² являются не только «*позитивные*», но и *ошибочные* идеи, и ложные представления, необходимые для восстановления объективной картины развития знания. Внимательно изучается не только положительный опыт (прорывы, открытия), но и тупиковые направления, неудачи, заблуждения. Поскольку известно, что наука, как часть духовной культуры, не развивается поступательно и эволюционно. Путь развития научного знания извилист, ее «парабола» зигзагообразна, периоды «расцвета» сменяются периодами «застоя», за которыми следует новый всплеск свежих идей и ярких открытий. Науке, как любому явлению культуры, свойственны не только подъемы, но периоды кризиса, упадка, торжества лженауки и невежества над подлинным знанием. Более того, истории науки известны повороты назад, возвращения к давно забытым идеям, которые могут придавать новые импульсы, обогащать и корректировать современные представления.

В-третьих, объектом изучения историков музееведческого знания не может быть исключительно «феномен музея» без широкого социального и культурного контекста.

Итак, мы можем однозначно утверждать, что понятие «музееведческая мысль» имеет право на существование, наряду с такими понятиями как «общественная мысль» и другими аналогичными понятиями из арсенала гуманитарных наук, но оно не отражает всей полноты сущности историко-научного подхода. Следовательно, понятие «музееведческая мысль» находится за пределами строгой научности и не входит в категориальный аппарат историков знания о музейных концепциях и теориях. Иначе говоря, понятие «музееведческая мысль» (так же как и «общественная мысль») имеет право на использование в научном тексте, но такой научной дисциплины – «музееведческая мысль» не существует. В данном случае мы имеем пример не совсем удачной попытки подмены предмета – «истории музееведения (или музеологии)».

Встречающиеся в литературе попытки музеологов по систематизации и классификации методологических принципов данной науки также нельзя назвать убедительными⁶³. Признавая факт того, что «вопрос о методе является наименее изученным в современной музеологии», теоретики музееведения предпринимают усилия с тем, чтобы внести порядок в методологический хаос. Так, Е. Н. Мастеница и Л. М. Шляхтина ограничиваются подробным описанием сути известных философско-культурологических, социологических, семиотических подходов, применяемых в музееведческих исследованиях, но о выработке новой интегративной методологии речи пока не идет. Авторы вынуждены признавать, что «данный вопрос требует дальнейших исследовательских усилий»⁶⁴.

⁶² См.: Принципы историографии естествознания. XX век /Отв. ред. И. С. Тимофеев. М., 2001.

⁶³ Мастеница Е. Н., Шляхтина Л. М. Музеология и ее методы в системе социально-гуманитарных наук // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. СПб., 2005. Кн. 4. Методология. Символика. Семантика. С. 23-34.

⁶⁴ Там же. С. 34.

Такой вывод позволяет утверждать, что отечественная **история музеологии** еще **не сложилась как особое направление знания**, хотя подробные библиографические обзоры «обрамляют» монографические и диссертационные исследования по музейному делу. Такое состояние изученности теоретических проблем в трудах отечественных и зарубежных музеологов указывает на необходимость систематизации и глубокого переосмысления их творческого наследия. В наши дни возникает новое субъективное препятствие, которое способно не только затормозить изучение прошлых этапов развития отечественной музеологии, но свернуть теоретическое осмысление музеологических проблем культурологами, философами, искусствоведами и историками. В российской гуманитарной науке вновь назревает кризис, искусственно инспирированный чиновниками. Современные музеологи, культурологи, искусствоведы находятся в «одной лодке»: у них не только общие научно-теоретические проблемы, единое коммуникативное пространство и институциональные центры, но они испытывают одинаковые угрозы со стороны властных структур⁶⁵. Министерские управленцы готовы поставить под сомнение научный статус целого комплекса гуманитарных дисциплин, в рамках которых вызревало музеологическое знание. Реальные угрозы закрытия ряда академических институтов заставляют ученых глубоко задуматься относительно значения теории в гуманитарных науках и месте гуманитариев в современном социо-культурном пространстве России. Речь идет о культурологии и искусствознании. Факты попыток повторного выкорчевывания разросшегося дерева гуманитарного знания свидетельствуют о том, что знание это стало непозволительной роскошью для нашего общества, оно стало избыточным в условиях распространения «философии рыночного фундаментализма»⁶⁶.

В последние месяцы чиновники ВАК высказывают сомнения относительно научных степеней кандидата/доктора культурологии, искусствознания, поскольку в их квалификационных дипломах пишется не кандидат «культурологических» либо «искусствоведческих наук», а кандидат «культурологии» или «искусствознания». А раз нет слова – науки,

⁶⁵ Министерство Культуры РФ подготовило проект закрытия научно-исследовательских гуманитарных институтов. По результатам заседания Общественного Совета при МК РФ от 6 декабря 2012 г. принято решение о закрытии подведомственным министерству институтов (Государственного института искусствознания, Российского института культурологии, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева и Института истории искусств (Санкт-Петербург)) и создании на их основе единого гуманитарного центра со штатом в 100 человек. См., напрмер: <http://www.change.org/ru/петиции/президент-рф-в-в-путин-остановите-разгром-гуманитарной-науки>. 11 декабря 2012 г. в Москве, в Государственном институте искусствознания состоялось открытое собрание, посвященное предполагаемому закрытию ГИИ и других подведомственных Министерству культуры научно-исследовательских гуманитарных институтов. На собрание неожиданно приехали министр культуры РФ Владимир Мединский и советник по культуре президента РФ Владимир Толстой. За несколько дней до собрания Институт искусствознания разместил на сайте change.org открытое письмо в адрес президента РФ Владимира Путина, озаглавленное «Остановите разгром гуманитарной науки!» (к настоящему моменту его подписали свыше 7 тыс. человек). Непосредственным поводом к написанию этого письма и организации собрания послужило прошедшее 6 декабря 2012 г. заседание рабочей группы по образованию и науке в сфере культуры Общественного совета при Министерстве культуры, на котором директор Российского института культурологии Кирилл Разлогов предложил создать в системе Минкульты на базе гуманитарных научно-исследовательских институтов единый «государственный научный центр с очень большим количеством полномочий, в том числе и финансовых, в области гуманитарных и социальных наук».

⁶⁶ *Трубочкин Д.* Начинается реформа российской культуры. Есть опасения // Радио "Комсомольская правда", 8 Августа 2012, 16:08 /<http://www.kp.ru/radio/stenography/40808/>

то, следовательно, – это и не науки вовсе. А если не науки, то возникает вопрос: тогда что же? В связи с «диссертационным скандалом» мы наблюдаем новую волну угроз, которые ставят под сомнение научный статус комплекса родственных гуманитарных дисциплин: культурологию и искусствознание⁶⁷. Ошибочно думать, что этот процесс не коснется музеологии, поскольку она включена в академическое пространство культурологии⁶⁸.

Как оценивать эти высказывания? Конечно, научное сообщество не готово сдаваться без боя, но силы не равны. Ученые пишут, выступают, подписывают обращения, но их не слышат, или не хотят услышать. Один из старейших искусствоведов нашей страны, переживший не самые простые времена тоталитарного режима, ныне живущий в США, доктор искусствознания, профессор Б. М. Бернштейн, так прокомментировал курьезность современной ситуации: «Игры со степенями по искусствознанию и культурологии – как это по-нашему! В какой-нибудь Германии или там Америке можно быть доктором по искусствознанию, но у России – особый путь, это очевидно. Только там возможен тонкий анализ различий между *логией, знанием и науками*, по которым крупнейшими специалистами оказываются изобретательные чиновники» (*Выделено нами. – В. А., Л. С.*). Думается, что формальные «придирки» чиновников к квалификационным степеням по культурологии и искусствознанию не дают им права лишать эти дисциплины статуса научности. Более чем столетний период существования этих наук, и международное признание, решение целого комплекса специфических научно-теоретических и практических проблем по уточнению гуманитарной картины мира, дает им право на собственное и весьма достойное место в современном научном сообществе.

Наиболее уязвимыми для критики чиновников, ставящих под сомнение «научность» ряда гуманитарных дисциплин, оказываются именно самые молодые направления, закрепившиеся в нашем научном пространстве в последние двадцать лет. Проблемы с относительно молодыми гуманитарными образовательными дисциплинами: культурологией и музеологией – это проблемы одного порядка. И хотя официальное признание этих наук уже состоялось в 1980 – 1990-е гг., а в начале 2000-х гг. были отбиты серьезные атаки⁶⁹, ставящие под сомнение их научный статус, история грозит повториться вновь.

⁶⁷ Участник программы «Диссертации: научное творчество или оброк?» на телевизионном канале «Культура» (14. 04. 2013 г.), декан Философского факультета МГУ, профессор В. В. Миронов, представлявший в данном собрании корпус гуманитарных наук, весьма мягко обозначил проблему с учеными степенями в области культурологии и искусствознания, утверждаемыми ВАК Министерства образования и науки РФ. По его словам, поскольку в квалификационном реестре степеней именно по этим направлениям отсутствует приставка «наук» (культурологических, искусствоведческих), то возникает вопрос, что может быть это и не науки вовсе. По мнению профессора В. В. Миронова вопрос может быть рассмотрен и в другой плоскости. Например, только в России существует степень «философских наук», тогда как согласно международному стандарту утверждается степень «магистр/ доктор философии». По нашему мнению, это, как раз проблема другого порядка. Здесь речь идет о том, имеют ли шанс на признание достижения философской науки советского и постсоветского периода в международном гуманитарном сообществе.

⁶⁸ В этом отношении многозначительными симптомами секуляризации музеологии можно считать попытки превращения ее в придаток музейного дела – «музееведения», уточнения ее статуса в качестве направления по «сохранению природного и культурного наследия».

⁶⁹ См.: Выступление Л. В. Скворцова, А. А. Пелипенко, А. С. Ахизер А. Я. Флиера, С. Я. Левит, Г. И. Зверевой, И. В. Кондакова, И. Л. Галинской, В. Б. Земскова, Г. А. Аванесовой, Т. Ф. Кузнецовой, Л. И. Мостовой, Л. А. Сугай, Г. С. Померанца, П. А. Седакова, И. Г. Яковенко в феврале 2000 г. на дискуссии, организованной ИНИОН РАН по проблемам культурологии. См.: Проблемы культурологии. Обсуждение в ИНИОН РАН // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 58-85.

В заключение нашей статьи, мы бы хотели сказать следующее: мы намеренно обозначили болевые симптомы современного состояния развития музеологической науки, поскольку полагаем, что выход из создавшейся кризисной ситуации может быть найден только в процессе открытого обсуждения. Комплекс выделенных нами проблем, вероятно, потребует широких дискуссий, не исключено, что они могут проходить в рамках научно-практических конференций, итогом которых должно стать принятие конкретных предложений о способах преодоления досадного отставания от зарубежных теоретиков и практиков музейного дела. Полагаем, что необходимо настраиваться не на кулуарное обсуждение в узком кругу музеологов, а на диалог с привлечением заинтересованных в осмыслении этих проблем культурологов, искусствоведов, историков, науковедов, поскольку необходим взгляд на развитие науки не только изнутри, но и со стороны. Публичное признание просчетов в развитии музеологии в российском пространстве, а не их замалчивание, должно стать важным шагом на пути преодоления досадного отставания.

Учебники – это уже следующая стадия распространения знаний. Создание учебного пособия по этому направлению должно помочь студентам систематизировать знания о концепциях российских и зарубежных музеологов, этапах эволюции этой области гуманитарного знания, поможет составить собственное представление о перспективах развития теоретической части музеологии. Такой учебник в качестве специального учебного курса поможет студентам разобраться в предмете музеологии и определить ее уровень изученности комплекса музеологических проблем, оценить вклад российских ученых в мировое музеологическое знание, определить их подлинное место в мировом музеологическом сообществе.

Было бы интересно сопоставить динамику развития российской и западноевропейской музеологии, определить наши достижения, прорывы, открытия, новации. Констатация и оценка уже сделанного учеными России и Запада в области музеологии поможет определению перспектив ее развития и облегчит знакомство с отечественными концепциями зарубежных специалистов. Обсуждение собственно концепции такого учебника может стать предметом дискуссии за круглым столом заинтересованных сторон, которым небезразличны прошлое, настоящее и будущее отечественной музеологии.

Информация о статье

Авторы: Астафьев Владимир Васильевич – к.и.н., доцент, Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Vladimir.Astaviev@ksu.ru; Сыченкова Лидия Алексеевна – д.и.н., доцент, Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет, L.sichenkova@yandex.ru

Заглавие: О предмете «История музеологии»: Постановка проблемы.

Абстракт: Отсутствие курса «История музеологии» в российских учебных программах связано с целым комплексом теоретических и методологических проблем. Почему в России не сложилось научной музеологической школы? Авторы ищут ответ на этот и другие вопросы. В статье дан анализ современной ситуации на основе сопоставления истории развития российской «культурологии» и «музеологии» во второй половине XX в. Единое институциональное и образовательное пространство этих дисциплин дают основания для такого сравнения. Российские музеологи значительно уступают культурологам по ряду позиций. Авторы предлагают несколько направлений преодоления

ситуации. Во-первых, систематизировать категориально-понятийный аппарат музеологии в специальной энциклопедии. Во-вторых, разработать концепцию и подготовить учебник по «Истории музеологии». В-третьих, организовать открытое обсуждение методологических проблем музеологии с участием музейных теоретиков и работников музейной сферы, преподавателей музеологических дисциплин, культурологов, искусствоведов, историков и философов. Только критическое переосмысление пройденного пути поможет понять вклад российских ученых в мировое музеологическое знание.

Ключевые слова: музеология, культурология, курс «История музеологии», методология.

Information on article

Authors: Astafiev Vladimir Vasilievitch – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Kazan (Volga Region) Federal University, Vladimir.Astaviev@ksu.ru; Sychenkova Lidia Alexeevna – Doctor of Science in History, Associate Professor, Russia, Kazan (Volga Region) Federal University. l.sichenkova@yandex.ru

Title: What is a Subject of «History of the Museology»: to the Discussion of a Problem.

Abstract: The absence of the «History of the Museology» in the Russian academic programs is connected with a whole complex of theoretical and methodological problems. Why the museological school didn't appear in Russia? The authors are looking for the answer to this question. The modern situation is analyzed in the article based on the comparative study of the development of Russian Cultural Studies and Museology in the second half of the XXth century. Mutual institutional and educational space of both disciplines gave grounds for such comparison. Russian specialists in the Museology are second to the specialists in Cultural Studies in this respect in several positions. The authors suggest some ways of overcoming the situation. Firstly, it is necessary to systematize the category and notion instrument of the Museology in the special encyclopedia. Secondly, to create conception, and to prepare a textbook on the History of the Museology. Thirdly, to organize open discussions on the methodological problems of the Museology where specialists in the museum theory and museum workers, university academics (who give courses in the Museology, Cultural Studies, Art History, History and Philosophy) will take part. Critical reconceptualization of the traversed path only can help to understand Russian specialists' contribution to the global museological knowledge.

Key words: Cultural Studies, Museology, History of the Museology, Methodology.